

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОК
ГРАФА ЗЕНФТА

Петр Вяземский

По поводу записок графа Зенфта

«Public Domain»

1876

Вяземский П. А.

По поводу записок графа Зенфта / П. А. Вяземский — «Public Domain», 1876

«Книга, выше озаглавленная, вяжется, мало известна; но не лишена она исторической занимательности. Графе Зенфт был Саксонским посланником при дворе Наполеона I. Может быть, и не был он дипломат первостатейный, не Талейран, не Поццо-ди-Борго; но чтение книги его убеждает читателя, что он был умный, честный и добросовестный повествователь событий, в которых, хотя и находился второстепенным участником, но всегда внимательным и ясновидящим зрителем. Подобные свидетели и рассказчики могут иногда внушать более доверенности, нежели главные действующие лица: на них менее лежит ответственности; их я не столько нуждаюсь в восхвалении или оправдании действий своих...»

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Петр Вяземский

По поводу записок графа Зенфта

(Mémoires du comte de Senfft, ancien ministre de Saxe. 1868).

Наполеон I. – Александр I. – Лагарп. – Князь Чарторыйский. – Сперанский. – Граф Капострия. – Приписка.

I

Книга, выше озаглавленная, вяжется, мало известна; но не лишена она исторической занимательности. Графе Зенфт был Саксонским посланником при дворе Наполеона I. Может быть, и не был он дипломат первостатейный, не Талейран, не Поццо-ди-Борго; но чтение книги его убеждает читателя, что он был умный, честный и добросовестный повествователь событий, в которых, хотя и находился второстепенным участником, но всегда внимательным и ясновидящим зрителем. Подобные свидетели и рассказчики могут иногда внушать более доверенности, нежели главные действующие лица: на них менее лежит ответственности; их я не столько нуждаюсь в восхвалении или оправдании действий своих.

Саксония, как известно, оставалась верною союзницею Наполеона, когда другие Германские союзники его, или просто узники один за другим, пользуясь победами Русского войска, отходили и освобождались от прежнего победителя. Впрочем, точнее сказать, не Саксония оставалась верна, а король ее оставался верен Наполеону. Предпочитая политике личную честность, он не хотел изменять союзнику, почти повелителю, в то самое время, когда счастье начало изменять прежнему своему любимцу. Было одно время, что в Дрездене царствовал не король, находившийся тогда в роли пленника, а князь Репнин¹.

Судя по запискам Зенфта, не все государственные люди в Саксонии разделяли рыцарские сочувствия короля и приверженность его в Наполеону. В записках, о коих идет речь, не щадят его и не рисуют в благоприятном свете. Вот что, между прочим, встречаем в них: «Маркиз Досмон (*le marquis d'Osmond*), столь достойный почтения, в благородной простоте удаления своего от дел (*retraite*) ни малейшим пятном не задетый, имел полное право сказать об императоре Наполеоне: кто до него дотронется, тот запачкается (*quiconque y touche, se salit*)».

А вот любопытные и характеристические отметки о Наполеоне, при проезде его чрез Дрезден, после несчастного путешествия в Россию. «Он явился в комнате, в которой все собрались в ожидании его, уже одетые в дорожное платье. Вошел он напевая в полголоса (*en fredonnant*) какую-то песенку, с видом насмешливым и самодовольным (*un air goguenard*). Ясно было, что он хотел вязаться неподавленный под гнетом величайшего бедствия. Такое притворство не было приличным выражением бодрости души высокой: оно, может быть, скорее вызывало недостаток истинного великодушия и правильного образа мыслей. Подобное свойство и расположение ума его не было ли следствием понятий, которые остались в нем от первоначального воспитания и сделались ему привычными и сродными? Такая черта характера может быть присуща и настоящему величию, но она именно обличает себя в минуты великих кризисов и переломов, подобных тем, которых были мы свидетелями, когда почти непостижимым образом внезапно угасал и рассеивался призрак, так долго поражавший мир удивлением. К некоторым из присутствовавших лиц Наполеон обращался с вопросами, относившимися более до предлежавшего ему пути. Поговорив немного с королем, он поспешно отобедал и в семь часов вечера сел с герцогом Виченским в карету королевы. Карета поставлена была на санные полозья. По отъезде его, г-н де Серра сказал, что многие в Германии, если бы догадались, что вмещает в себе эта карета, дали бы ей знать себя (*jouer quelque mauvais tour*)».

Рассказ простой и в сущности маловажный; но под этими немногими словами подразумевается и чувствуется сцена из великой и роковой драмы. — Далее автор говорит, что, «вызывая новые усилия со стороны Поляков, Наполеон сказал: „Польский вопрос становится очень затруднительным; но Герцогство Варшавское должно устоять, будь оно оставлено в руках Саксонского короля, или передано кому другому“».

¹ Нам случилось видеть официальные бумаги, на немецком языке, за подписью: *Furst Repnin, Vice-König von Sachsen*.

Нельзя здесь не заметить, что есть вопросы, которые история и время постоянно поднимают в известные дни и при известных обстоятельствах. Таковы, например, вопросы: Польский и Восточный. Еще со времен Екатерины не сходят они с очереди; дипломатия и публицистика живут и промышленяют ими. На несколько времени они как бы и кое-как разрешаются и будто сдаются в архив; но, неутомимые, они и там окончательно не засыпают. Вдруг, ни с того, ни с другого, выскакивают они из архива, стряхивают с себя пыль и снова колобродят по белому свету. Такие вопросы задавались на решение Промысла и России и Наполеоном II-м, и Наполеоном III-мъ.

А вот еще выписка из этой книги, более для нас любопытная:

«Российский император в Эрфурте, 1808 года, говорил Саксонскому королю, что он чувствуешь себя лучшим (*se sent meilleur*) после каждой беседы с императором Наполеоном, и что час разговора с этим великим человеком обогащает его более, нежели десять лет опытности».

Точно ли в таких словах выразил Александр мысль свою, неизвестно. Можно даже, с некоторою достоверностью, предполагать, что сказанные им слова были умереннее и нотою ниже здесь пересказанных; но сущность, но смысл и духе их очень правдоподобны. Время Эрфуртского свидания было временем высшего увлечения Александра и вероятно искренних сочувствий его к Наполеону.

Известно, что при драматическом представлении у Наполеона в Эрфурте, *devant on parler de rois* (как говорили в то время), когда актер произнес стих:

L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux,

Император Александр, сидевший рядом с Наполеоном, схватил руку его и крепко пожал ее.

Как ни подозревали Александра в прирожденной и благоприобретенной хитрости, как ни был он, в полном значении слова, себе на уме, но нет повода сомневаться в искренности движения его и обаяния, которому он покорялся. Это обаяние даже очень понятно и естественно: Наполеон был из малого числа гениальных и светлых умов, когда страсть честолюбия не омрачала его. Все приближенные к нему согласовались в том, что в обхождении, в речи его было много обольстительного, особенно когда нужно было ему кого-нибудь приглубить и околдовать. Нет сомнения, что все заряды, все чары умственного кокетства его были обращены на Александра. Многое в характере Наполеона еще не успело тогда выясниться. Ненасытный честолюбец еще не вполне и не до наготы сорвал с себя личину свою. Очень натурально, что он обольстил младшего собеседника своего, впечатлительного и несколько склонного к идеализации. Прибавим, впрочем мимоходом, что Эрфуртские впечатления могли и не закоренеть в Александре; но они и не закоренились. Характер Александра был не из одного слоя образован: в нем оттенков было много. За порою обаяния иногда следовало пора отрезвления; за порою доверчивости – пора не только охлаждения, но и мнительности. Все это человеческое, а особенно царское. Царю трудно быть постоянно идеалистом: из области надоблачной или безоблачной, в которой духе его витаете, сами же люди снизводят его на землю и часто переиначивают этот духе в школе опыта, дознания, разочарования, а иногда и раскаяния в излишней доверчивости.

В Императоре Александре могло скрываться еще другое побуждение, которое тогда влекло его к Наполеону. Мы уже говорили о строе ума его, несколько романическом. Но этот ум имел еще другой отпечаток, вследствие первоначального воспитания его, под руководством Лагарпа: а именно, отпечаток слегка демократический. Известно, что Государь мало обольщался блеском присвоенный рождению и званию. В Наполеоне, вероятно, нравился ему человек, который власти ее наследствовал, а приобрел ее и царствование сам собою, завоевал их силою ума и воли, ценою подвигов, едва ли в истории не беспримерных. С этой точки зрения

Александр мог ставить Наполеона в воображении и сочувствии своем на подножие, которое превышало все окружающее и все знакомое.

Впрочем, не один Александр в семействе своем был временно под очарованием Наполеона. Помню, как за обедом у Великой Княгини Екатерины Павловны, в Твери, возник оживленный спор между Великим Князем Константином Павловичем и Карамзиным. Первый говорил с восторгом о Наполеоне и с одушевлением превозносил гениальные качества его; другой, с хладнокровием и строгостью историка, судил о нем более умеренно и отклонял излишние похвалы, ему возносимые. Спор длился. Наконец Карамзин – как сам в том после сознался – утомленный этими прениями, сказал, что за многие подвиги и успехи свои Наполеон часто и преимущественно был обязан ошибкам противников своих. Эти слова не совсем были уместны и царедворцы; но они сорвались с утомленного языка. Карамзин спохватился, но поздно: сказанного слова не воротишь. Впрочем, спор кончился мирно и благополучно, то есть каждая сторона осталась при своем мнении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.